

торами (не только за ненадобностью, но и как конкурирующие источники денег). Соответственно, их больше нет.

Стоит ли говорить, что глобальный кризис подрубил обе ноги российской экономики, выбив табуретку сначала из-под путинского «процветания», а затем уже и из-под путинской «стабильности»?

2008 и 2014 годы: болезненные аналогии и различия

Прекращение возвращения в Россию в виде внешних кредитов российских же денег, выведенных либеральными реформаторами из страны, осенью 2008 года стало первым витком сжатия спроса. *Правительство и Банк России оказались настолько не готовыми к нему, что, закрыв биржевые торги в понедельник 15 сентября 2008 года и по сути дела бездельничая до вечера 18 сентября, едва не довели дело до катастрофы. Паника, охватившая бизнес, начала захлестывать широкие слои населения, что создало реальную угрозу уничтожения всей банковской системы страны и коллапса экономики в результате массового штурма вкладчиками отделений банков. Ситуацию удалось спасти буквально в последний момент, собрав чрезвычайное, по сути, рабочее заседание в ночь с 18 на 19 сентября и приняв решение дать банкам столько денег, сколько им понадобится (ибо даже либеральные реформаторы поняли, что в случае промедления до начала рабочего дня пятницы 19 сентября спасти будет уже нечего).*

Однако дальше пресловутого ситуативного реагирования дело не пошло: ни о какой комплексной антикризисной программе правительство даже не заикалось (более того, была предпринята попытка вообще запретить употребление слова «кризис»), и в результате Россия оказалась полностью беззащитной перед вторым витком сжатия спроса — из-за падения чистой экспортной выручки. Ужасающий эффект, хотя кризис находился только в начальной стадии развития, стал заметен по косвенным признакам

в сентябре, но в полной мере проявился с октября 2008 года и стал окончательно ясен в ноябре.

Правительство же вплоть до декабря вообще отрицало наличие кризиса, не употребляя даже этого слова.

Итоги памятливы всем: спад ВВП в 2009 году — на 7,9 % — максимален среди стран большой двадцатки, хотя спад промышленности в Японии, например, был значительно больше, чем у нас (21,6 % против 9,3 %). Инвестиции рухнули почти на одну шестую, розничный товарооборот — почти на 5 %, экспорт и импорт — более чем на 35 %. И всего-то резко сократилось (хотя, несмотря на мировой финансовый шок, не прекратилось совсем) внешнее финансирование, цены на нефть вернулись на уровень позапрошлого, 2007 года, пусть даже и проделав по дороге головокружительный кулбит со 149 до 34 долларов за баррель.

В 2008 году российский кризис был вызван сугубо внешними причинами: это его главное отличие от того кризиса, в который мы входим сейчас. В результате, поджавшись и затаив дыхание, российская экономика просто дождалась нормализации мирового развития, — и восстановилась вслед за ним и под его влиянием в прежней, коррупционно-сырьевой модели.

Не стоит забывать, что глобальный бизнес, которому при помощи либералов во власти подчинена вся социально-экономическая политика России, в принципе, ничего не имеет против коррупции, так как украденные в ее ходе деньги, как правило, выводятся на Запад или тратятся на потребление импортной роскоши и потому становятся его финансовыми ресурсами.

А вот расходы на социальное и хозяйственное развитие контролируемых им стран для глобального бизнеса совершенно неприемлемы: прежде всего, они грозят ему возникновением конкуренции, но главное заключается в том, что направленные на них ресурсы являются для него потерянными и потому представляют собой, с его точки зрения, вопиющую и не имеющую оправданий бесхозяйственность.

Нынешний кризис вызван сугубо внутренними причинами: коррупция и монополизм переломили хребет российской эконо-

мике, которая не ускорила свой рост даже в 2011 году, когда нефть подорожала почти на 40 %. Затем последовало нарастающее торможение ее роста — и девальвацию, вызвав паническое бегство капиталов из страны, пришлось начать до всех внешних осложнений, еще в январе 2014 года, — просто чтобы не допустить экономического спада прямо тогда.

Внешние факторы — санкции и удешевление нефти — лишь усугубили внутренние причины кризиса, причем они оказали негативные последствия не сами по себе, а прежде всего из-за нежелания разленившейся бюрократии активно и содержательно реагировать на них. При этом значимость санкций чудовищно преувеличивается бюрократией просто потому, что чиновники объясняют ими последствия собственной политики, освобождая себя от ответственности за нее.

Тем не менее российская экономика погружается в депрессионную спираль. В ней сжатие спроса (первоначально из-за девальвации и роста цен, затем из-за прекращения внешнего кредитования, сокращения экспортной выручки и сжатия внутреннего кредита) обрушивает производство, что, в свою очередь, ведет к новому сжатию спроса из-за падения доходов населения и предприятий. Это новое сжатие спроса, в свою очередь, провоцирует новое сокращение производства, и так до тех пор, пока государство не одумается и не начнет компенсировать сжатие коммерческого спроса увеличением своих расходов — прежде всего, при помощи модернизации инфраструктуры.

Именно в этом механизме (в прошлый кризис примененном, например, в Китае) заключается стандартный механизм стабилизации экономики в депрессии и вывода ее в устойчивый рост. Однако пока от него отказываются: ссылаясь, как в 90-е годы, на нехватку средств (хотя федеральный бюджет захлебывается от денег: на 1 января 2015 года неиспользуемые остатки средств на его счетах превысили 10 трлн руб.), государство готовится сокращать финансирование даже начатых крупных инвестиционных проектов (например, строительство Центральной кольцевой автодороги).

Справедливости ради следует отметить, что комплексной модернизации инфраструктуры мешают монополизм и коррупция. В самом деле: если государство будет увеличивать спрос при сегодняшнем монополизме, то, как это было во время стимулирования спроса на жилье при помощи ипотечного кредитования (когда нацпроект «Доступное жилье» окончательно сделал жилье недоступным), увеличение спроса полностью уйдет, как в свисток, в рост цен на монополизированных рынках.

Вторая преграда преодолению депрессии наращиванием государственного спроса — коррупция, не позволяющая контролировать использование государственной помощи экономике и ведущая к ее использованию для валютных спекуляций.

Отсутствие контроля за деньгами, направляемыми правительством и Банком России в качестве поддержки банковской системы и реальному сектору, в 2008–2009 годах создало, по заимствованному из 1992 года выражению президента Медведева, «финансовый тромб»: банки, а порой и сами предприятия направляли государственную помощь не на решение насущных проблем, а на спекуляции, в первую очередь с валютой. Схожая ситуация складывается и сейчас.

С начала падения рубля, с начала 2014 года идет интенсивная пропагандистская обработка общественного мнения в том духе, что девальвация-де, как в 1998 году, подстегнет экономику, обеспечит экономический рост и процветание. Однако это всего лишь попытка сохранить хорошую мину при никудышной игре.

В 1998 году девальвация повысила конкурентоспособность России (и то лишь после того, как Россия выжила, — а она могла и погибнуть от девальвационного шока) в условиях высокого внешнего спроса и в ситуации, когда внешний долг бизнеса был незначителен. Сейчас, как и в конце 2008 – начале 2009 годов, внешний спрос сжимается еще быстрее внутреннего: мир входит в депрессию, и на него рассчитывать не стоит (и враждебность Запада вызвана именно обострением глобальной конкуренции по мере системного ухудшения конъюнктуры; Крым – не более чем повод). С другой

стороны, основная часть внешнего долга приходится на бизнес, который так же, как и шесть лет назад, может быть просто раздавлен его утяжелением в результате девальвации.

Избежать этого просто: достаточно ввести жесткий контроль за государственной помощью банковскому и реальному секторам. Но такой контроль неизбежно ограничит коррупцию не на словах, а на деле, создав серьезную угрозу части астрономических доходов правящей клептократии.

Поэтому, точно так же, как и во время прошлого кризиса, под гром уже вновь начавшихся заявлений о привлечении Генпрокуратуры к финансовому контролю (к чему она в принципе не приспособлена) безнаказанный разврат (трудно назвать это иначе) со спекулятивным использованием государственной помощи продолжается и будет продолжаться при нынешнем состоянии государства.

Поэтому нам неуклонно внушают, что резкого обесценения рубля (несмотря на шоки начала ноября и 16 декабря) не будет, последовательно проводя при этом его плавную, столь же опасную и разрушительную для экономики, просто растянутую во времени девальвацию.

При этом быстрое размывание международных резервов повышает угрозу девальвации обвальная, не контролируемой государством и потому особенно разрушительной.

Пока россияне в основном опасаются, задумываются, что же будет дальше, — но вот ощущения невыносимости повседневной жизни у них нет. Это ощущение начнет формироваться, когда они не только ощутят, но и осознают скорость и длительность роста цен, с одной стороны, и отсутствие надежд на повышение своих номинальных доходов — с другой.

Весьма вероятно, что к осени 2015 года разрозненные социальные протесты начнут сливаться в общую волну.

В условиях системного кризиса России, усугубляемого быстрым развитием кризиса глобального, произойдет, хотя и не быстро, оздоровление государства. Чем меньшую вменяемость

продемонстрирует правящая клептократия, тем менее цивилизованную и тем более опасную для населения России форму может принять путь к этому оздоровлению

Не верь, не бойся, не проси: почему не стоит надеяться на государство

С практической точки зрения изложенное свидетельствует только об одном: переживаемый нами кризис — всерьез и надолго.

Выражаясь метафорически, начинается зима — и мы не знаем, как долго она продлится и насколько трескучими будут ее ночные (да и дневные тоже) морозы.

И надеяться в этом кризисе Вы можете только на себя, свою семью и своих друзей.

Государство Вам не помощник и не защитник, дай бог, если оно просто забудет о Вас и не будет последовательно уничтожать Вас и Вашу семью своей политикой.

Причина проста: нынешняя российская «элита» (это словечко прижилось, хотя правильнее было бы звать ее «тусовка») сложилась в ходе осознанного разворовывания и разграбления собственной страны. Ключевое слово здесь — «осознанного»: участвовавшие в процессе люди хорошо понимали тогда и понимают сейчас, что именно и зачем они творят. Те, кому совесть или страх не позволяли разрушать свою страну ради личной наживы, в массе своей просто отбраковывались и отторгались общей массой либеральных реформаторов и их пособников, устремившихся к личному обогащению за наш с Вами счет.

Те, кто остался в правящей «тусовке» к настоящему времени, за редким исключением, насколько можно судить, в принципе не способны испытывать ответственность перед Вами и другими россиянами — точно так же и по тем же причинам, по которым грабитель с большой дороги не в состоянии испытывать чувство ответственности перед своими жертвами.

Он их грабит — какая тут ответственность?

Освобождение правящей «тусовки» от ответственности перед кем бы то ни было, бывшее сутью и главным результатом четвертьвековых российских реформ, привело к вырождению российской бюрократии в клептократию, власть коррупционеров. Превращение коррупции в главную ценность и суть государственного управления надежно обеспечило не только омерзительность, но и полную беспомощность государственной власти: она занята «делом», и у нее просто нет сил и времени на решение таких второстепенных мелочей, как наиболее насущные проблемы страны.

Существенно, что выполняемая человеком функция неизбежно накладывает на него свой отпечаток. Выполняя сложную работу, требующую напряжения интеллекта, Вы почти неизбежно умнеете. Точно так же, с другой стороны, примитивная работа способствует отмиранию интеллекта.

А воровство у государства, несмотря на исключительное разнообразие и изощренность разнообразных схем, представляется весьма примитивным видом деятельности.

И система управления, занятая им, неминуемо тупеет и утрачивает профессионализм.

Поэтому, насколько можно понять, правящая клептократия не способна стабилизировать положение в стране и нормализовать Вашу жизнь в надвигающемся на нас кризисе даже ради собственного выживания.

Да, официальные СМИ стараются всячески замалчивать кризис и его масштабы, успокаивая: мол, это все на Западе (или результат западных диверсий и санкций — как только договоримся об их отмене, все пройдет), а у нас пока все в порядке. Многие люди долгое время исходили именно из позиции официальных пропагандистов, подкрепляя ее тем, что окружающих кризис никак не коснулся, все работают нормально, а сбережений, в общем, и так не было, а фондовый кризис бьет только по спекулянтам — ну, может, еще и по Москве ударит, раз там спекуляций много.

Помимо изложенного выше, этим людям стоит вспомнить, что в 1998 году, после дефолта, и в 2008 году, после провала фондового рынка, регионы даже злорадствовали по поводу Москвы и спекулянтов. Недели две — потом волна кризиса накрыла и их.

Я очень не люблю спекулянтов, даже законопослушных — фондовых, валютных и прочих. Они часто создают предпосылки для кризисов; ужас в том, что спровоцированный их безответственной деятельностью удар приходится не только по ним, но и по всей экономике, в том числе по реальному сектору и обычным людям, абсолютно невинным и не имеющим никакого отношения к спекуляциям.

У нас до сих пор есть немало людей, талдычащих «ничего страшного» и даже обвиняющих честно описывающих ситуацию чуть ли не в шпионаже.

Бог им судья. Многие из них искренни в своей безграмотности, многим кажется, что спастись от беды можно, просто не говоря о ней, — ну, а некоторые лгут нам сознательно.

Это страусиная политика, и Вы можете присоединиться к ней, — однако лишь если только Вы отвечаете исключительно за самих себя.

Если на Вас «висит» семья или хотя бы пожилые родители — Вы отвечаете и за них и потому должны быть разумными и предусмотрительными, потому что Ваша ошибка неминуемо ударит не только по Вам, но и по невинным людям.

Я был бы счастлив ошибиться, но мой институт (Институт проблем глобализации) с момента своего создания — с 1996 года, более 18 лет — изучает именно разворачивающиеся сегодня процессы. Мы занимались ими еще на стадии их зарождения. Нынешнюю глобальную депрессию можно было смягчить, но не предотвратить: мы видели, как постепенно сгущались тучи, и вместе со страной сгибались под шквальными порывами ветра.

И я вижу, что сейчас все всерьез. Люди, не помнящие 1991, 1994, 1995 и даже 1998 годы, вытеснившие из памяти кошмар конца 2008-го — начала 2009-го, не говоря уже о надежно защи-

ценных своим богатством или положением от всех напастей, склонны пренебрегать опасностью. Но у нормальных людей — вроде нас с Вами — нет нефтяных скважин, нет зарубежных активов и даже простой возможности брать взятки (а обычно, слава богу, даже и желания такого нет).

Поскольку в силу этого мы почти беззащитны перед кризисом, мы должны быть внимательными и быстрыми, а в самом кризисе — как минимум экономными.

Наши предки пережили и преодолели все выпавшее на их долю (как то, что мы знаем по семейным преданиям и из учебников истории, так и то, о чем мы даже не догадываемся) именно потому, что были внимательны и не слишком доверяли поверхностным и безответственным людям. Думаю, они подают нам неплохой пример, — как минимум, проверенный временем.

Наши родители, деды, прадеды и бесчисленные поколения предков, теряющиеся во тьме истории, вдохнули в нас свое мужество и свои силы, неведомые нам самим, потому что они проявляются только в по-настоящему критических ситуациях.

И мы выживем в этом кризисе — и эта книга посвящена совсем не тому, как и тем более почему мы сделаем это.

Эта книга о другом: о том, как выжить в кризисе с наименьшей потерей сил, времени и денег, занимаясь своей повседневной жизнью, ради которой мы все и живем.

О том, как жить, чтобы по прошествии долгих успешных лет ответить на дотошные расспросы, как одни мои дальние родственники, искренне недоуменным: «Кризис? Какой кризис? Не помню — мы были счастливы».